

онъ не можетъ: всѣми силами своей души, всей своей барской психологіей чуждъ онъ новымъ людямъ и новымъ интересамъ. И потому онъ пытается устроить счастье съ любимой женщиной въ атмосферѣ полной оторванности отъ общества. Но, разорвавъ всѣ социальныя связи съ обществомъ онъ, какъ и Анна Каренина, не могутъ утвердить своей жизни на одномъ основаніи—личнаго чувства, и вотъ Анна Каренина лежитъ распластаннымъ трупомъ подъ колесами желѣзнодорожнаго поѣзда, а Вронскій уѣзжаетъ въ Сербію, не вѣря въ добровольческое движеніе.

Герой Толстого— Левинъ. Онъ уже чуждъ барскаго презрѣнія къ мужикамъ, онъ ихъ и уважаетъ, и даже любитъ, но онъ не хочетъ знать ни о какихъ новыхъ элементахъ общества и все еще не утерять надежды на устройство идиллическихъ отношеній съ крестьянами. Онъ глубоко презираетъ городъ, купцовъ; ему кажется возмутительнымъ то обстоятельство, что Стива Облонскій подаетъ руку купцу, покупающему землю и считаетъ этого купца не выше своего лакея, которому „не подають руки“.

Съ большой наивностью человѣка, который привыкъ жить настроеніями и психическими привычками *больше*, чѣмъ думать, онъ искренне убѣжденъ, что онъ по праву получилъ наслѣдственные земли даромъ, по праву получаетъ въ сто разъ большій доходъ, чѣмъ мужикъ, а вотъ купецъ, скупающій дешево земли, поступаетъ и гнусно, и безнравственно. У Левина большая жажда правды, но его практическая мораль нѣчто чрезвычайно плоское, мѣщанское. Какъ наивно рассказываетъ намъ Толстой, что Левинъ, руководясь инстинктомъ правды, всегда зналъ, что хорошо и что дурно. И вотъ какъ онъ представлялъ себѣ это хорошее и дурное: Левинъ „зналъ, что нанимать рабочихъ *надо* было какъ можно дешевле; но брать въ кабалу ихъ, давая впередъ деньги, дешевле, чѣмъ они стоятъ, не надо было, хотя это и было очень выгодно. Продавать въ безкормицу мужикамъ солому, можно было, хотя и жалко было ихъ; но постоянный дворъ и питейный, хотя они и доставляли доходъ, надо было уничтожить... Петру, платившему ростовщику 10 процентовъ въ мѣсяцъ, нужно было дать займы, что-бы выкупить его; но *нельзя* было спустить и отсрочить оброкъ мужикамъ неплательщикамъ“.

Такова нехитрая и поистинѣ чисто помѣщичья „правда“ Левина. Стоило-ли огородъ городить и копья ломать, что-бы прійти къ морали обычнаго помѣщика, не открытаго грабителя и кулака, а человѣка признающаго известное джентльменство въ отношеніи къ придавленному нуждой крестьянству. Не устраивать питейный домъ, не прижимать въ расчетахъ голодомъ, не платить дешевле стоимости денегъ—вотъ какія скромныя глубины содержитъ „правда“ Левина и отчасти тогдашняго Толстого. И если-бы за спиною Левина не стояла совѣсть великаго писателя, мы бы, несомнѣнно, признали въ